

РАЖДАЕМОСТЬ И СЕМЕЙНИ ПОЛИТИКИ

Население, Том 37, Книжка 1, 2019, 209-243

ISSN 0205-0617 (Print); ISSN 2367-9174 (Online)

<http://nasselenie-review.org>; e-mail: nasselenie_review@abv.bg

ТЕНДЕНЦИИ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ЧЕТЫРЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ: АНАЛИЗ С УЧЕТОМ ВЕРОЯТНОСТИ РОЖДЕНИЯ ОЧЕРЕДНОГО РЕБЕНКА В УСЛОВНЫХ И РЕАЛЬНЫХ ПОКОЛЕНИЯХ

Сергей В. ЗАХАРОВ

*Институт демографии
Национальный исследовательский университет –
Высшая школа экономики*

РОССИЯ, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20,

Fellow 2018-2019, Institut for Advanced Studies (Nantes, France)

✉ szakharov@hse.ru; sergei.zakjarov@iea-nantes.fr

Резюме: В данной статье представлены результаты анализа уровня и тенденций рождаемости в России с использованием наиболее совершенного из известных международному сообществу статистико-демографического инструмента - показателей специальных таблиц рождаемости с учетом очередности рождения, построенных как для календарных лет в ретроспективе четырех десятилетий (1979-2017 гг.), так и для поколений женщин, родившихся с 1955 по 1990 гг. Полученные результаты призваны усилить объективный, всесторонний подход к интерпретации исторических и новейших тенденций рождаемости в России, а также к взвешенной оценке обозримых перспектив изменений ее уровня. Автор критично оценивает демографические результаты пронаталисткой государственной политики в России последнего десятилетия и ставит под сомнение слишком оптимистичные перспективы дальнейшего повышения рождаемости, широко распространенные в российской политической элите.

Ключевые слова: рождаемость в России; вероятность рождения очередного ребенка; результаты политики стимулирования рождаемости; прогноз рождаемости в России.

Acknowledgements:

This article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics in 2019.

Статията да се цитира по следния начин:

Захаров, С. В. (2019). Тенденции рождаемости в России за последние четыре десятилетия: анализ с учетом вероятности рождения очередного ребенка в условных и реальных поколениях. *Население*, Том 37, Кн. 1, 209-243. ISSN 0205-0617 (Print); ISSN 2367-9174 (Online).

© С. В. Захаров, 2019

Статията е постъпила през м. април 2019

Приета за публикуване през м. май 2019

Публикувана онлайн през м. юни 2019

Авторът е прочел и одобрил окончателния вариант на ръкописа.

FERTILITY AND FAMILY POLICIES

Nasselenie Review, Volume 37, Number 1, 2019, 209-243

ISSN 0205-0617 (Print); ISSN 2367-9174 (Online)

<http://nasselenie-review.org>; e-mail: nasselenie_review@abv.bg

FERTILITY TRENDS IN RUSSIA OVER THE PAST FOUR DECADES: AN ANALYSIS BASED ON PERIOD AND COHORT PARITY PROGRESSION RATIOS

Sergei V. ZAKHAROV

*Institute of Demography, National Research University Higher
School of Economics (Moscow, Russia)*

20 Myasnitskaya street, Moscow 101000 RUSSIA

Fellow 2018-2019, Institut for Advanced Studies (Nantes, France)

✉ szakharov@hse.ru; sergei.zakjarov@iea-nantes.fr

Abstract: *The article presents the results of an analysis of fertility trends in Russia based on the most powerful statistical and demographic tool known to the international community as period and cohort age- and parity-specific fertility tables, constructed for calendar years in retrospective of four decades (1979-2017), and for generations of women born from 1955 to 1990. The results are intended to strengthen an objective, comprehensive approach to interpreting historical and recent fertility trends in in Russia, as well as to a balanced assessment of the foreseeable prospects for changes in period and cohort total fertility. The author critically assesses the demographic results of the pronatalist policy in Russia over the past decade and calls into question the overly optimistic prospects for further increase in level of fertility, widespread in the Russian political elite.*

Keywords: *fertility in Russia; parity progression ratios; results of pronatalist policy; fertility projections for Russia.*

Acknowledgements:

This article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics in 2019.

This article can be cited as follows:

Zakharov, S. V. (2019). Tendentsii rozhdayemosti v Rossii za posledniye chetyre goda: analiz veroyatnosti rozhdeniya detey v sostoyanii i povstantsev. [Fertility Trends in Russia Over the Past Four Decades: An Analysis Based On Period and Cohort Parity Progression Ratios]. *Nasselenie Review*, Volume 37, Number 1, 209-243. ISSN 0205-0617 (Print); ISSN 2367-9174 (Online). (in Russian).

© S. V. Zakharov, 2019

Submitted – April 2019

Revised – May 2019

Published – June 2019

The author has read and approved the final manuscript.

РЕЙТИНГ РОССИИ СРЕДИ РАЗВИТЫХ СТРАН ПО УРОВНЮ РОЖДАЕМОСТИ: ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ДИСКУССИЯ СРЕДИ ЭКСПЕРТОВ

В 2016 г. (13 сентября) состоялась рабочая встреча Президента В. Путина с Министром труда и социальной защиты М. Топилиным, в ходе которого среди других вопросов обсуждались результаты выполнения Указа Президента о повышении рождаемости в России. Воспроизведем полностью (в соответствии с официальной стенограммой) часть этого обсуждения, касающегося характеристики российского уровня рождаемости на мировом фоне¹:

В. Путин: И традиционный вопрос – это демография, как сейчас Вы оцениваете ситуацию?

М. Топилин: Владимир Владимирович, в Указе Президента к 2018 году такой показатель, как суммарный коэффициент рождаемости (это среднее количество детей, которые рождаются у одной женщины) должен быть 1,754, то есть достаточно серьёзный показатель; мы в том году уже достигли 1,77. Сейчас предварительные данные из Росстата посмотрели по полугодию: может быть даже больше чем 1,83 по первому полугодю. Что будет до конца года?

Мы надеемся, что мы эти показатели удержим, но это уже больше 1,8 – честно говоря, мы даже не рассчитывали на такие суммарные коэффициенты рождаемости. Если благоприятная ситуация будет складываться, мы даже, мне кажется, через несколько лет можем даже достичь 1,9. Такого в Европе практически нигде нет, только во Франции. Практически во всех европейских странах эти показатели ниже.

В. Путин: А во Франции такой высокий коэффициент?

М. Топилин: За счёт населения, которое приехало в своё время из Алжира, из других стран, у них, конечно, высокий коэффициент. Но у них достаточно серьёзные меры поддержки, детские сады (чем мы в последнее время занимались) – они достаточно сильно рванули за прошлые годы.

Во-первых, Министр труда не совсем верно интерпретирует смысл показателя, которым пользуется. К сожалению, это очень распространенное заблуждение, когда коэффициент суммарной рождаемости (КСР), трактуется как показатель, характеризующий результаты фактического деторождения средней женщины. В действительности, этот показатель говорит об ожидаемой средней величине итоговой рождаемости поколения, представители которого в расчетном году вступили в репродуктивный возраст (достигли 15 лет), если на протяжении их жизни не будут меняться возрастные коэффициенты рождаемости расчетного года. Короче, это ожидаемая величина для женщин при очень сильных допущениях и жестких условиях – на протяжении нескольких десятков лет будет сохраняться сегодняшняя интенсивность деторождения.

¹ Стенограмма рабочей встречи Президента с Министром труда и социальной защиты Максимом Топилиным (Москва, Кремль, 13 сентября 2016 г.) URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52884> (Дата обращения: 22.03.2019).

Во-вторых, мы отмечаем, что Министр труда очень оптимистично оценивал ближайшие перспективы рождаемости. Мы уже знаем, что ни в 2017 г., ни в 2018 г. значение целевого индикатора на 2018 г., зафиксированного в Майском Указе Президента, достигнуто не было. Более того, обрушение КСР началось уже в 2016 г. и продолжилось затем в 2017 и 2018 гг. (в 2017 г. КСР составил 1,62, а в 2018 г. – 1,58).

Во-вторых, Министр труда, докладывая Президенту, проявляет растерянность от того, что КСР, равный 1,77 в 2016 г., оказался даже выше ожиданий («мы даже не рассчитывали»).

В-третьих, Министр с гордостью сообщает, что Россия вышла чуть ли не на первые позиции в Европе, и впереди только Франция по причине высокой рождаемости эмигрантов из Алжира, которые в свое время приехали в эту страну, а также из-за серьезных мер поддержки и детских садов.

Оставляем в стороне весьма спорный тезис о высокой роли выходцев из Алжира во французской рождаемости (на этот счет имеются серьезные исследования, опровергающие утверждение Министра²), и остановимся на оценке рейтинговых позиций России по уровню рождаемости, которые несложно сделать на основе международных баз данных в достаточно длительной ретроспективе.

Длинный ряд, по крайней мере с 1960 г., надежных оценок КСР мы имеем для 30 стран (включающий большинство европейских стран, а также Австралию, Канаду, США и Японию). Рассмотрим меняющееся место России среди этих стран с шагом в пять лет и учтем самые последние результаты за 2017 г. (таблица 1).

Рейтинговое место России за более чем полувековую историю по величине КСР не было стабильным, однако, по преимуществу, ее позиция ниже среднего уровня – в конце второго десятка, и даже с понижением в третий десяток. Лишь два случая относительного возвышения России над другими развитыми странами можно обнаружить – в 1985 г. (6-е место) и в 2015 (7-е место). В 1987 году (не указанного в таблице) Россия даже поднялась на второе место! Оба случая рекордных взлетов относятся к периоду активизации демографической политики. За коротким моментом почивания на лаврах следует разочарование. Оказывается, что одну гонку иногда удается выиграть, или почти выиграть (в 1987 г. Россия уступила первое место соседке Эстонии, рождаемость которой в то время также находилась под краткосрочным влиянием новых мер советской семейной политики), но для того, чтобы стабильно претендовать на высокие позиции, нужны более серьезные основания, чем вводимые время от време-

² Ведущие французские демографы – Л. Тулемон, А. Пайе, авторитет которых очень высок в мировом экспертном сообществе, так оценивают ситуацию в статье с характерным названием «Франция: высокая и стабильная рождаемость»: «Часто полагают, что высокий уровень рождаемости во Франции обязан мигрантам. Однако это предположение ошибочно. Общий уровень рождаемости во Франции в 1990-х гг. был бы меньше всего лишь на 0,07 рождения в расчете на одну женщину, если бы он базировался только на женщинах, рожденных во Франции. Более того, дочери иммигрантов имеют такую же итоговую рождаемость, что и женщины, рожденные во Франции, матери которых, в свою очередь, были также рождены во Франции». Toulemon L., Pailhé A., Rossier C. France: High and stable fertility. *Demographic Research*. 2008. Vol. 19, Article 16, p. 522.

Таблица 1
Рейтинговое место России по величине коэффициента суммарной рождаемости (итоговой рождаемости условного поколения) среди 30 развитых стран мира, 1960-2017 гг.

Table 1
International Ranking of Russia's Period Total Fertility Rate Among 30 Developed Countries, 1960-2017

Год	Рейтинг России	Год	Рейтинг России
1960	18	1995	24
1965	26	2000	28
1970	24	2005	23
1975	18	2010	15
1980	18	2015	7
1985	6	2017	12
1990	12		

Примечание: учтены Австрия, Австралия, Беларусь, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Дания, Исландия, Испания, Италия, Канада, Литва, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Россия, Словакия, Словения, США, Украина, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония, Япония

Источник: расчеты автора на основе Human Fertility Collection» (HFC) (<https://www.fertilitydata.org/cgi-bin/index.php>), Базы демографических данных Евростата (<https://ec.europa.eu/eurostat/web/population/>), базы данных Института демографии НИУ ВШЭ (<http://www.demoscope.ru/weekly/app/app4007.php>) и официальных данных РОССТАТА.

ни, неожиданно для населения, и даже для специалистов, стимулирующие меры. Эффект неожиданности – проходящее обстоятельство.

В чем Министр труда был глубоко прав, так это в отношении «серьезных мер поддержки и детских садах» во Франции, которые имеют очень длительную историю. Может поэтому во Франции мы наблюдаем стабильный и, по европейским меркам, высокий уровень рождаемости уже не один десяток лет? Да, такое мнение разделяется многими специалистами. Тем более нельзя забывать, что к странам, стабильно относящимся к первой десятке развитых стран с рождаемостью выше среднего уровня, нужно отнести Швецию, Норвегию и другие скандинавские страны, также характеризующиеся развитой социальной политикой и прекрасными детскими садами и яслями.

С другой стороны, КСР в США, с оглядкой на ряд десятилетий, также существенно выше, чем в России, и даже выше, чем во Франции. В то же время известно, что эта страна затрачивает самые минимальные усилия в сфере социальной поддержки массовых типов семей и по сути не имеет государственной семейной политики на федеральном уровне (да и на уровне штатов) в том понимании, в котором ее позиционируют в России и в Европе. Таким образом, не только пособия на детей и детские сады имеют значение, но еще и общий уровень жизни, структура доходов, гибкость рынков труда и жилья, сбалансированность гендерных отношений, направленность изменений образовательного, этно-культурного и религиозного состава населения, а еще и эволюция ценностных ориентаций и приоритетов в выборе жизненных стратегий и многое другое.

Сегодня, несмотря на существенные различия в характере социально-экономической политики, динамике уровня жизни и затрат на семейную политику в различных странах, Россия принципиальным образом не отличается по уровню и тенденциям рождаемости от стран Восточной и Центральной Европы, хотя российский тренд и выглядел более оптимистичным, особенно в 2007-2016 гг. Изменения в показателях в 2017-2018 гг. возвращают Россию на привычное и более «законное» место по уровню рождаемости в нижней половине списка развитых стран.

Еще меньше оптимизма доставляет ранжирование стран по величине итоговой рождаемости реальных поколений – показателю менее зависимого от конъюнктурных, превходящих обстоятельств, и, соответственно, более подходящего для исторических и международных сравнений уровня рождаемости. Рейтинг России в ряду развитых стран заметно понижается при переходе к показателям для реальных поколений женщин, завершивших или близких к завершению репродуктивной карьеры. Ближайшее рейтинговое окружение России выглядит следующим образом: Греция, Бельгия, Литва, Латвия, Швейцария, Украина, где итоговая рождаемость женщин 1965-69 годов рождения выше, но не более, чем на 0,1 рождений в расчете на одну женщину, а также Белоруссия, Япония, Германия (Восточные и Западные земли), Италия, Испания, где рождаемость той же когорты чуть ниже, чем в России³. Сравнение предварительных оценок итоговой рождаемости для женщин 1970-74 г.р. для тех стран, для которых они имеются к сегодняшнему дню, не вносит каких-либо принципиальных дополнений в определение российского тренда – стремление российской рождаемости к стабилизации на среднем уровне для развитых стран.

Принципиальным вопросом, имеющим политическое, теоретическое и практическое значение в современном российском и в более широком международном контексте, является вопрос об оценке демографических результатов пронаталисткой политики, усилившейся после 2005 г. при личной инициативе и всемерной поддержке со стороны Президента Путина.

---

³ Подробнее об особенностях российской модели рождаемости и тенденциях ее изменения в контексте развитых стран см.: Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад /Отв. ред. А. Г. Вишневский. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014: 149-153; Население России 2014: двадцатый второй ежегодный демографический доклад /Отв. ред. А.Г.Вишневский. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016: 146-159; Frejka T., Sobotka T. Fertility in Europe: Diverse, delayed and below replacement *Demographic Research*. Vol. 19. Article 3. 2008: 15-46; S. Basten, T. Frejka (Coordinating authors) Fertility and Family Policies in Central and Eastern Europe after 1990. *Comparative Population Studies*. 2016. Vol. 41(1): 3-56; Frejka T., Zakharov S. (2012). Comprehensive Analyses of Fertility Trends in the Russian Federation during the Past Half Century. *MPIDR Working Paper*; WP 2012-027 (September 2012). (<http://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2012-027.pdf>); Фрейка Т., Захаров С.В. (2014). Эволюция рождаемости за последние полвека в России: оптика условных и реальных поколений. *Демографическое обозрение*. 2014, Т. 1, № 1: 106–143 (<http://demreview.hse.ru/2014--1/120991254.html>); Zeman K., Beaujouan É., Brzozowska Z., Sobotka T. Cohort Fertility Decline in Low Fertility Countries: Decomposition Using Parity Progression Ratios. *Vienna Institute of Demography. Working Paper No. 3/2017* and *Human Fertility Database Research Paper*, RR-2017-003. 2017. https://www.oeaw.ac.at/fileadmin/subsites/Institute/VID/PDF/Publications/Working_Papers/WP2017_03_HFDRR.pdf

В задачи данной статьи не входил критический анализ действующей системы мер семейной политики и ее развития в направлении усиливающегося пронатализма за прошедшие годы, поскольку этот вопрос достаточно подробно освещен и документирован в российской и международной литературе с различных идеологических и методологических позиций, в том числе и автором⁴.

Как было указано выше, по прошествии десяти лет с момента инициации пронаталистских мер правительство Российской Федерации очень позитивно оценивает результаты политики по стимулированию рождаемости и оптимистично смотрит в будущее. Целый ряд российских экспертов, включая профессиональных демографов, поддерживает, а, возможно, и создает соответствующую атмосферу для оптимистичных настроений, царящих в кабинетах лиц, принимающих решения⁵.

Автор данной статьи гораздо более критично оценивает достигнутые демографические результаты государственной политики и ставит под сомнение слишком оптимистичные перспективы при условии развития политики в выбранном направлении – активный пронатализм с преимущественным использованием финансовых инструментов, и основанный на консервативном, традиционалистском идеологическом подходе к институту семейных, брачных отношений, внутрисемейному контролю рождений и планированию семьи⁶.

В последующих разделах будут представлены результаты анализа уровня и тенденций рождаемости в России с использованием наиболее совершенного из известных международному сообществу статистико-демографического инстру-

---

⁴ См.: Специальные разделы по семейной политике в: Население России. Ежегодный демографический доклад. Институт демографии Высшей школы экономики (2007-2016); Гурко Т. А. (2013). О концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года: экспертная оценка. *Социологическая наука и социальная практика*. № 3: 33-52 (<http://jour.isras.ru/upload/journals/4/articles/2998/submission/original/2998-5543-1-SM.pdf>); Осипов Г. В., Рязанцев С. В. (2014). Демографическая политика в России: трансформация, результаты, перспективы. *Вестник Российской Академии наук*. Т. 84. № 11: 963-972 (<http://www.old.guazantsev.org/book2-53.pdf>); Рыбаковский Л. Л. (2015). Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования. *Социологические исследования*. № 9: 62-7; H. S. Basten, T. Frejka (Co-ordinating authors). Fertility and Family Policies in Central and Eastern Europe after 1990. *Comparative Population Studies*. 2016. Vol. 41(1): 3-56; Zakharov S. (2018). Family Policy. In: Irvin Studin (ed.) *Russia: Strategy, Policy, Administration*. Chapter 28. L.: Palgrave Macmillan UK: 319-330. (DOI: https://doi.org/10.1057/978-1-137-56671-3_28) и др.

⁵ См., например: Архангельский В. Н. (2015) Помощь семьям с детьми в России: оценка демографической результативности. *Социологические исследования*. No. 3: 56-64; Рыбаковский Л. Л. (2016). Результативность как основной показатель оценки состояния и тенденций рождаемости // *Социологические исследования*. № 4: 23-30; Архангельский В. Н., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В., Шульгин С. Г. (2017). Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки. *Социологические исследования*. No. 3: 43-50.

⁶ См.: Frejka T., Zakharov S. (2013). The Apparent Failure of Russia's Pronatalist Family Policy. *Population and Development Review*. Vol. 39(4): 635-647; Zakharov S. (2016). The modest demographic results of pronatalist policy against the background of the long-term evolution of fertility in Russia. *Demographic Review*. English Selection: 4-46. (<https://demreview.hse.ru/article/view/7310/8182>); ; Zakharov S. (2018). Family Policy. In: Irvin Studin (ed.) *Russia: Strategy, Policy, Administration*. Chapter 28. L.: Palgrave Macmillan UK: 319-330. (DOI: https://doi.org/10.1057/978-1-137-56671-3_28)

мента – показателей специальных таблиц рождаемости с учетом очередности рождения, построенных как для календарных лет в ретроспективе четырех десятилетий (1979-2017 гг.), так и для поколений женщин, родившихся с 1955 по 1990 гг. Полученные результаты призваны усилить объективный, всесторонний поход к интерпретации исторических и новейших тенденций рождаемости в России, а также к взвешенной оценке обозримых перспектив изменений ее уровня.

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТАБЛИЦ РОЖДАЕМОСТИ С УЧЕТОМ ОЧЕРЕДНОСТИ РОЖДЕНИЯ

Таблицы рождаемости (ТР) – упорядоченный ряд чисел, показывающих изменение во времени (обычно с возрастом) частоты, структуры женщин по числу рожденных детей и других характеристик деторождения в некоторой совокупности женщин репродуктивного возраста 15-55 лет, проживающих в пределах крупных территориальных единиц (как правило странового уровня). Специальные таблицы рождаемости с учетом очередности рождения у матери (СТР) представляют собой числовую модель рождаемости, дающую полное описание процесса рождаемости как процесса перехода с возрастом для женщины из состояния с некоторым числом когда-либо рожденных детей в состояние с числом рожденных детей на одного больше. В СТР совокупностями, убывающими с возрастом (общий принцип для демографических таблиц), выступают числа женщин с тем или иным числом фактически рожденных детей. Соответственно, центральным элементом таких таблиц выступает вероятность рождения очередного ребенка (вероятность увеличения семьи, PPR⁷).

Итоговая величина рождаемости условного или реального поколения, TFR, связана с вероятностями увлечения семьи следующим образом (для случая, когда официальная статистика или выборочные исследования располагают распределениями рождений по очередности: первые, вторые, третьи, четвертые, пятые и последующие):

$$\begin{aligned} TFR = & PPR(0 \rightarrow 1) + \\ & PPR(0 \rightarrow 1) * PPR(1 \rightarrow 2) + \\ & PPR(0 \rightarrow 1) * PPR(1 \rightarrow 2) * PPR(2 \rightarrow 3) + \\ & PPR(0 \rightarrow 1) * PPR(1 \rightarrow 2) * PPR(2 \rightarrow 3) * PPR(3 \rightarrow 4) + \\ & PPR(0 \rightarrow 1) * PPR(1 \rightarrow 2) * PPR(2 \rightarrow 3) * PPR(3 \rightarrow 4) * PPR(4 \rightarrow 5+) / (1 - PPR(4 \rightarrow 5+)) \end{aligned}$$

Таблицы рождаемости входят в систему статистических демографических таблиц, построенных по единому принципу, и описывающими смену демогра-

⁷ В англоязычной литературе – Parity Progression Ratio, PPR. См.: Moultrie T. (2013) Parity progression ratios. Tools for Demographic Estimation. UNFPA. <http://demographicestimation.iussp.org/content/parity-progression-ratios>

фических состояний с возрастом, наряду с классическими таблицами смертности (дожития), таблицами брачности, таблицами прекращения брака, таблицами миграционной активности и др., а также мультистатусными таблицами как наиболее общей формы демографических таблиц⁸.

Таблицы рождаемости могут строиться для условных поколений (для календарных лет) и реальных поколений (женщин по году рождения) с использованием одних и тех же данных, которыми располагает регулярная официальная статистика. Базовыми исходными данными, как правило, выступают ежегодные распределения живорождений по возрасту матери и очередности рождения. Реже (для ограниченного круга стран с наиболее развитым статистическим наблюдением) используются ежегодные числа рождений, распределенные одновременно по возрасту матери, году ее рождения и очередности рождения. Россия пока располагает достаточно длинными годовыми рядами данных (с конца 1950-х годов), в которых рождения распределены одновременно только по возрасту женщин и очередности рождения. Соответственно, построение ТР для реальных поколений предполагает предварительную трансформацию матриц исходных данных о числах родившихся из возрастной формы в когортную по годам рождения женщин. Такая трансформация, как известно статистикам, сопряжена с неизбежными ошибками, однако в общем случае с не столь значительными, чтобы влиять на результат с принятой в демографической экспертной среде точностью.

Специальные ТР в качестве ведущего метода изучения рождаемости на основе регулярных официальных статистических данных начинают применяться со второй половины XX века в наиболее продвинутых с точки зрения развития демографии странах – в США и Франции. Вскоре, уже в 1960-х гг., т.е. с небольшим отставанием, первые СТР для условных и реальных поколений были построены в СССР В. С. Стешенко, Р. И. Сифман, Л. Е. Дарским. Известны также авторские СТР для условных поколений Н. Б. Баркалова, Н. Б. Баркалова и Е. А. Андреева⁹, полученные во второй половине 1990-х гг.

Российским статистическим агентством (РОССТАТ) до сих пор полные СТР (в противоположность таблицам смертности) не строятся. С конца 1990-х гг. такие таблицы для российских женщин на основе официальных статистических данных ежегодно оцениваются автором статьи¹⁰. Методы построения

⁸ См.: Народонаселение. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г. Г. Меликьян. М.: БРЭ, 1994, с. 496-521; Дарский Л. Е., Тольц М. С. Демографические таблицы: Учебное пособие. М.: МАКС Пресс, 2013 (http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/darskij_tolc/darskij_tolc.html); Мультирегиональная/мультистатусная демография. Сборник переводных статей. Под научн. ред Н. Гатева. Институт социального управления. София, 1983.

⁹ См.: Андреев Е. М., Баркалов Н. Б. (1999). Таблицы рождаемости по очередности рождения // *Вопросы статистики*. № 5: 64-66; Barkalov N. B. (1999). The fertility decline in Russia, 1989-1996: a view with period parity-progression ratios. *Genius*. Vol. 55 (3-4): 11-60; Barkalov N. B. (2005). Changes in the quantum of Russian fertility during the 1980s and early 1990s. *Population and Development Review*. Vol. 31(3): 545-556.

¹⁰ См.: [Захаров С. В.] Население России 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад / Под ред. А. Г. Вишневого. М.: Книжный дом «Университет», 2000, с. 59-60 (http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r99/razdel3g3_4.html); а также последующие доклады.

специальных таблиц продолжают совершенствоваться, и, в первую очередь, применительно к данным, получаемым в результате выборочных исследований, в частности таких известных как Demographic and Health Surveys /Reproductive and Health Surveys¹¹, для которых разработаны унифицированные стандартные программы опросов, используемые по всему миру, в том числе и на пространстве бывшего СССР. России также известен этот опыт – в 2011 год исследование по стандартной программе было проведено Росстатом при поддержке международных организаций¹².

В 2009 г. состоялась официальная презентация Human Fertility Database (HFD) – лидирующей на сегодняшний момент международной базы данных по рождаемости для нескольких десятков стран с наиболее надежной статистикой рождаемости, которая поддерживается международным консорциумом демографов при координирующей роли Института демографических исследований Макса Планка (г.Росток, Германия)¹³.

Основой для получения наиболее важных статистических параметров рождаемости в HFD являются показатели полных СТР, которые рассчитываются за каждый календарный год на основе наиболее корректной, прошедшей международную экспертизу, методологии. Исходные данные для HFD регулярно поступают на добровольной основе из национальных центральных статистических ведомств стран, входящих в пул стран, охватываемых базой данных (большинство развитых стран).

Поскольку Россия, к счастью, входит в число таких стран, то, следует настоятельно рекомендовать для анализа рождаемости пользоваться возможностями HFD, обеспечивающей необходимую методологическую сопоставимость расчетных данных на международном уровне¹⁴. Однако обновление данных в HFD происходит с некоторым запаздыванием (на 2-3 года) относительно пре-

---

¹¹ См. например: Retherford R., Ogawa N., Matsukura R., and Eini-Zinab H. (2010). Multivariate Analysis of Parity Progression–Based Measures of the Total Fertility Rate and Its Components // *Demography*. Vol. 47(1): 97–124.

¹² См.: Репродуктивное здоровье населения России 2011. Резюме отчета. Росстат; Министерство здравоохранения Российской Федерации; Фонд ООН по народонаселению; Центр по профилактике и контролю заболеваний (Атланта, США). Москва: Информационно-издательский центр «Статистика России», сентябрь 2012. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/zdrav/zdravo-2011.pdf; Reproductive Health Survey Russia 2011. Executive Summary. ROSSTAT, Ministry of Health of the Russian Federation; United Nations Population Fund (UNFPA); Centers for Disease Control and Prevention, Atlanta, USA (DRH/CDC). Moscow; Information and Publishing Center “Statistics of Russia”, September 2012. URL: <https://www.cdc.gov/reproductivehealth/global/publications/surveys/russia/russia-survey-2011-exec-sum.pdf>

¹³ Протоколы данных и методологию расчетов см.: Jasilioniene A., Jdanov D. A., Sobotka T., Andreev E. M., Zeman K. Shkolnikov V. M. et al (2015). Methods Protocol for the Human Fertility Database. Rostock: MPIDR URL: <https://www.humanfertility.org/Docs/methods.pdf>.

¹⁴ Примером подобных сравнительных исследований может служить следующая работа: Frejka T., Sobotka T. (2007). Cohort birth order, parity progression ratio and parity distribution trends in developed countries. *Demographic Research*. Vol. 16. Article 11: 315-374. Zeman K., Beaujouan E., Brozowska Z., and T. Sobotka (2018). Cohort fertility decline in low fertility countries: Decomposition using parity progression ratios. *Demographic Research*. Vol.38. Article 25: 651-690.

зентации наиболее актуальных исходных данных национальными статистическими ведомствами, в том числе и Росстатом. В связи с этим в Институте демографии Высшей Школы Экономики (Москва) для России автором данной статьи ежегодно производится построение СТР на основе наиболее актуальных данных, которые затем гармонизируются с последними доступными данными из HFD. Так, на сегодняшний момент (май 2019 г.) в HFD имеются исчерпывающие данные, характеризующие российскую рождаемость с учетом данных 2017 г. Ниже будут рассматриваться табличные характеристики рождаемости, гармонизированные автором с динамическими рядами, имеющимися в HFD, и включающие самые последние полные данные Росстата за 2015-2017 гг.

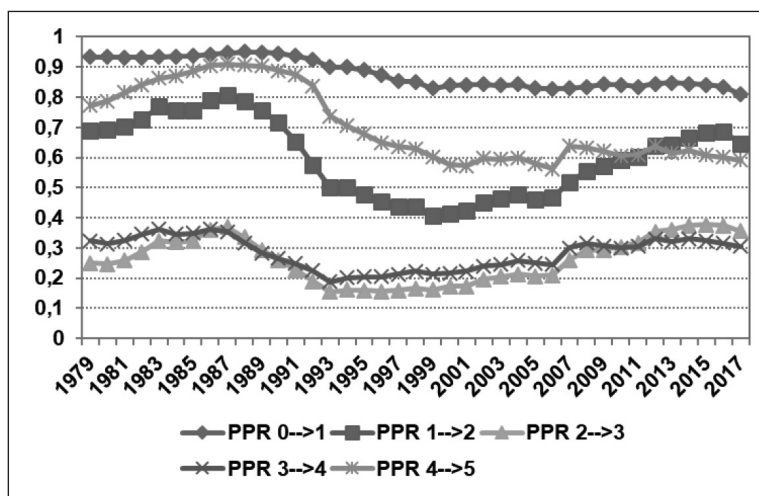
ИЗМЕНЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ, ПОЛУЧЕННЫЕ НА ОСНОВЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТАБЛИЦ РОЖДАЕМОСТИ ДЛЯ УСЛОВНЫХ ПОКОЛЕНИЙ

Наиболее корректную оценку частоты, с которой в данном календарном году происходило рождение детей той или иной очередности у матерей, дает рассмотренный выше показатель, называемый в русскоязычной демографической литературе *вероятностью увеличения семьи*. Этот показатель представляет собой долю женщин, родивших очередного ребенка в текущем году среди тех, кто уже родил на одного ребенка меньше (например, вероятность рождения первого ребенка – это доля женщин, родивших первого ребенка в расчетном году среди ни разу не рожавших женщин к началу года, а вероятность второго ребенка – доля матерей с одним ребенком, рождающих в данном году второго ребенка и т.д.). Годовые оценки вероятностей увеличения семьи в России за последние 30 лет, с оговоркой, что для периода 1999-2011 гг. расчеты базируются на неполных данных¹⁵, представлены на рисунке 1.

В первой половине 1980-х годов вероятность следующего рождения повышалась для детей всех очередностей, что было очевидной реакцией на активизацию государственной семейно-демографической политики (в частности, увеличение отпусков по беременности и родам, введение длительных отпусков по уходу за ребенком, расширение льгот при предоставлении жилья семьям с детьми и др.). Однако вскоре движение пошло в противоположном направлении. Со второй половины 1980-х годов стремительно откладывались (и, частично, так и не реализовались) рождения не только вторых и последующих детей, но даже и первенцев. Тяжелые политические и социально-экономические ре-

---

¹⁵ С 1993 и вплоть до 2011г. Росстат имел возможность разрабатывать подробные распределения женщин по возрасту и очередности рождения не по всем российским территориям. См. подробнее: Zakharov S. (2016). The modest demographic results of pronatalist policy against the background of the long-term evolution of fertility in Russia. Demographic Review. English Selection: 4-46. (<https://demreview.hse.ru/article/view/7310/8182>).

Рисунок 1. Итоговая вероятность увеличения семьи по очередности рождения (PPR) для женщины к возрасту 50 лет, Россия, специальные таблицы рождаемости 1979-2017 гг.

Figure 1. Period Parity Progression Ratios for Women by the Age of 50 Years, Russia, 1979-2017

Примечание: – PPR 0->1, вероятность рождения первого ребенка, дает представление о шансах перехода из состояния ни разу не рожавшей женщины к состоянию с одним рождением, PPR 1->2 обозначает переход к состоянию с двумя рождениями и т.д. Вероятность рождения пятого и следующих детей, зачастую превышает вероятности рождения второго и третьего детей, что свидетельствует о незавершенности демографического перехода к полностью контролируемой рождаемости во всех социальных и этнических группах, и соответственно, говорит о неоднородности населения в отношении планирования семьи и допустимости использования эффективных средств контроля рождаемости. В российских условиях господства массовой постепенной идеальной двух-детной модели семьи среди женщин, родивших четверых, пятерых и более детей преобладают те, кто по тем или иным причинам вообще не планирует беременности и число рождений, т.е. остаются в рамках естественной модели рождаемости (“natural fertility model”), имеющей ограниченное распространение в России среди некоторых этнических и религиозных групп населения.¹⁶

Источник: Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>) и расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

¹⁶ О модели естественной рождаемости см.: Leridon H. Menken J. (1979, Eds) Natural fertility: patterns and determinants of natural fertility. Liege (Belgium): IUSSP and Ordina. О последовательном отходе от традиционной модели естественной рождаемости в России в терминах вероятностей увеличения семьи, в ходе которого вероятности рождения второго и третьего детей постепенно становились ниже, чем вероятности рождения четвертого и последующих детей см.: Захаров С. В. (2003) Демографический переход и воспроизводство поколений в России. *Вопросы статистики*. № 11: 3-12; Вишневский А. Г. (2006, Ред.) Демографическая модернизация России, 1900-2000. Москва: Новое издательство: 176-183. Zakharov S. V. (2008). Russian Federation: From the first to second demographic transition. *Demographic Research*. Vol. 19. Article 24: 907-972. (Special Collection 7: Childbearing Trends and Policies in Europe).

формы, протекавшие на рубеже 1980-х и 1990-х гг., видимо, сыграли заметную роль в уменьшении шансов рождения детей у многих семей в эти годы. В то же время не нужно забывать и о последствиях предшествовавшего резкого ускорения деторождения в первой половине 1980-х гг., вызванного указанными выше мерами политики. Календарь рождений как пружина в период появления стимулирующих мер сжался (темпы формирования семей повысились), а затем стал разжиматься – подавляющее большинство семей не намеревалось иметь в итоге больше детей, чем изначально планировали, и, соответственно, реализовав свои планы в ускоренном режиме, не собиралось продолжать деторождение. В результате краткий «бэби-бум» середины 1980-х гг. вскорости обернулся неизбежным провалом показателей для условных поколений (см. таблица 2).

Таблица 2
Возрастные коэффициенты и коэффициент суммарной рождаемости,
Россия, 1970-2017 гг.

Table 2
Period Age-Specific and Total Fertility Rates, Russia, 1970-2017

Год	На 1000 женщин в возрасте:							KCP5*	KCP1**
	15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49		
1970	28,9	151,7	104,0	68,7	31,9	8,7	1,0	1,97	1,99
1971	30,3	155,6	108,4	68,2	32,4	8,1	0,7	2,02	2,02
1972	31,1	155,2	114,3	66,4	33,0	7,9	0,7	2,04	2,03
1973	32,0	153,0	108,6	61,7	31,2	7,4	0,6	1,97	1,96
1974	34,3	157,0	112,1	58,4	30,5	7,3	0,6	2,0	1,99
1975	34,8	157,3	109,3	56,6	28	7,2	0,6	1,97	1,97
1976	36,3	158,7	108,8	55,9	25,3	7,2	0,5	1,96	1,95
1977	37,8	156,0	106,6	58,7	23,2	6,9	0,5	1,95	1,92
1978	39,7	155,9	105,8	56,3	20,4	6,3	0,4	1,92	1,9
1979	42,0	155,8	101,2	54,1	18,5	5,6	0,4	1,89	1,87
1980	43,8	157,8	100,8	52,1	17,4	4,9	0,4	1,89	1,86
1981	43,5	157,2	103,5	53,6	19,1	4,5	0,4	1,91	1,89
1982	44,1	161,7	107,9	56,6	23,1	4,3	0,4	1,99	1,96
1983	45,6	167,8	118,2	62,8	24,4	3,9	0,3	2,12	2,09
1984	46,7	166,7	112,9	59,8	23,8	3,6	0,3	2,07	2,05
1985	47,2	165	113,0	59,7	23,3	3,6	0,3	2,06	2,05
1986	47,1	169,8	121,1	66,3	26,7	4,8	0,3	2,18	2,18
1987	48,7	172,5	122,2	67,7	27,8	6,2	0,2	2,23	2,23
1988	49,3	169,7	114,0	61,8	25,5	5,7	0,3	2,13	2,14
1989	52,1	163,9	103,1	54,6	22,0	5,0	0,2	2,01	2,02
1990	55,0	156,5	93,1	48,2	19,4	4,2	0,2	1,88	1,89

Таблица 2
Table 2

1991	54,2	145,9	82,7	41,5	16,5	3,7	0,2	1,72	1,73
1992	51,0	133,8	72,8	35,0	14,0	3,2	0,2	1,55	1,55
1993	47,3	119,1	63,7	28,8	11,0	2,5	0,2	1,36	1,37
1994	49,0	119,3	66,7	29,4	10,6	2,3	0,1	1,39	1,40
1995***	44,8	112,7	66,5	29,5	10,6	2,2	0,1	1,33	1,34
1996***	38,9	105,5	65,5	30,1	10,8	2,3	0,1	1,27	1,27
1997***	35,8	98,0	64,8	31,2	10,8	2,2	0,1	1,21	1,22
1998***	33,5	98,1	66,7	33,1	11,5	2,3	0,1	1,23	1,23
1999***	28,9	91,8	63,7	32,2	11,1	2,2	0,1	1,15	1,16
2000***	27,4	93,6	67,3	35,2	11,8	2,4	0,1	1,19	1,20
2001***	27,3	93,1	70,2	38,0	12,9	2,4	0,1	1,22	1,22
2002***	27,3	95,3	74,8	41,6	14,6	2,6	0,1	1,28	1,29
2003***	27,6	95,1	78,3	44,1	16,0	2,7	0,1	1,32	1,33
2004	28,2	94,2	80,1	45,8	17,6	2,9	0,1	1,34	1,35
2005	27,4	88,4	77,8	45,3	17,8	3,0	0,2	1,30	1,29
2006	28,2	87,8	78,4	46,6	18,6	3,1	0,2	1,31	1,31
2007	28,3	89,5	86,9	54,1	22,7	3,9	0,2	1,43	1,42
2008	29,3	91,2	92,4	60,0	25,8	4,6	0,2	1,52	1,50
2009	28,7	90,5	95,9	63,6	27,6	5,2	0,2	1,56	1,54
2010	27,0	87,5	99,2	67,3	30	5,9	0,3	1,59	1,57
2011	27,4	88,0	99,5	67,8	31,1	6,2	0,3	1,6	1,58
2012	27,4	91,2	106,6	74,3	34,9	7,0	0,3	1,71	1,69
2013	26,7	89,9	107,5	76,2	36,8	7,4	0,4	1,72	1,71
2014	26,1	89,6	110,1	79,9	39,0	8,1	0,4	1,77	1,75
2015****	24,1	89,9	112,6	83,1	39,8	8,3	0,5	1,79	1,78
2016****	21,6	87,0	111,4	84,5	41,0	8,8	0,5	1,77	1,76
2017****	18,5	81,2	100,0	77,3	39,2	8,7	0,5	1,63	1,62

Примечания: * КСР5 – коэффициент суммарной рождаемости (ожидаемая итоговая величины рождаемости для поколения, вступившего в деторождение в расчетном году), рассчитанный как сумма пятилетних возрастных коэффициентов, представленных в таблице.

** КСР1 – коэффициент суммарной рождаемости для условного поколения, рассчитанный как сумма однолетних возрастных коэффициентов, дающий более точную оценку ожидаемой величины итоговой рождаемости по сравнению с КСР5.

*** Без Чеченской республики, в которой учет демографических событий в 1995-2003 гг. отсутствовал или был далеко не полным.

**** Без Крыма.

Источник: Human Fertility Database и расчеты автора на основе исходных неопубликованных данных Росстата.

Ситуация начала меняться в середине 1990-х годов. Начиная с 1994 г., хотя и медленно, но монотонно поползла вверх вероятность рождения третьих и четвертых детей, с 2000 г. – возрастает вероятность вторых рождений. Вероятности появления на свет первых и пятых детей продолжали сохраняться на уровне 1999 г.

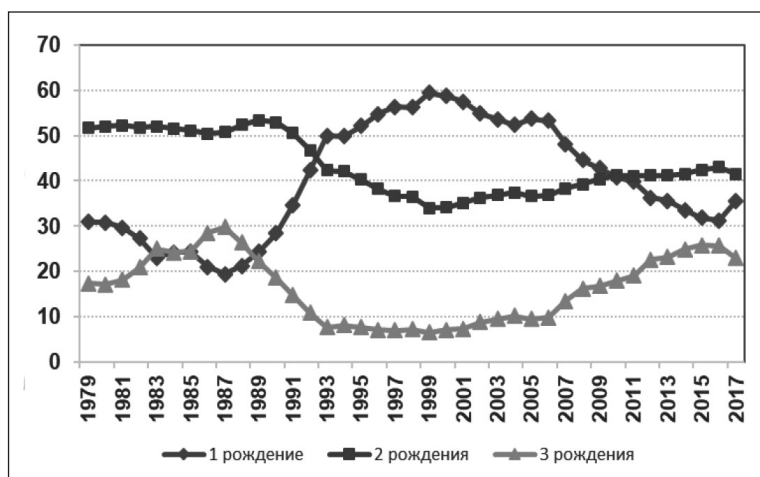
Под воздействием мер демографической политики, в 2007 г. произошло ускорение увеличения вероятностей рождения детей всех очередностей, кроме первенцев. Даже для пятых рождений, вероятность рождения которых снижалась с конца 1980-х, в 2007 г. отмечался подскок. Однако уже на следующий год вероятность пятых рождений пошла вниз, и к 2018 г. она вернулась на уровень конца 1990-х гг. Вероятность четвертых рождений стагнирует на одном уровне с 2007 г. Вероятность третьих рождений к 2015 г. достигла весьма высоких для России значений, повторив «локальный рекорд» 1987 г., но в 2016-2017 гг. отмечался откат с завоеванных позиций. Вероятность вторых рождений, благодаря устойчивому росту примерно с одним и тем же ежегодным темпом с конца 1990-х гг., достигла уровня конца 1970-х – начала 1980-х гг. Но планка локального рекорда 1987 г. так и не была достигнута. В 2017 г. вероятность вторых рождений заметно упала. Итак, в 2017 г. впервые за последние 25 лет отмечается снижение вероятностей рождения детей всех очередностей, с 1-ю по 5-ю.

Нужно особо отметить, что уже длительное время – с 1999 г. – имеет место стагнация вероятности рождения первенца на уровне 0,83 – 0,85 и, соответственно, ожидаемой доли ни разу не рожавших женщин в условных поколениях на уровне 15-17% (речь идет о доле женщин, не родивших в течение жизни ни одного живого ребенка). В 2017 г. значение этого индикатора опустилось до 0,8, что повышает ожидаемую долю окончательной бездетности до 20%. Даже в 2007 и 2012 годах, когда происходил наибольший всплеск интенсивности рождений, увеличение вероятности первых рождений оказывалось незначительным. Таким образом, заметный прирост с конца 1990-х годов итоговой рождаемости для условных поколений никак не связан с повышением шансов появления в семьях первенцев.

При сохранении вероятностей увеличения семьи для каждой очередности рождения, зафиксированных в 2017 г., доля женщин, родивших 1 ребенка в течение жизни, среди всех женщин (рожавших и не рожавших) составит 29% против 44% в 2006 г. и 49% в 1999-2000 гг. (исторический максимум). Доля женщин с двумя рождениями ожидается на уровне 34% (31% в 2006 г., 28% в 1999-2000 гг.). Наконец, долю женщин с 3 и более рождениями можно ожидать на уровне 19% (8% в 2006 г., 6% в 1999-2000 гг.). Обращает на себя внимание более чем трехкратный рост ожидаемой доли многодетных, преимущественно трехдетных семей, произошедший с конца 1990-х гг. В то же время не очевидно, в какой мере этот рост может быть объяснен успехами проводимой политики по «стимулированию рождаемости» (по крайней мере, восходящий тренд обозначился задолго до активизации демографической политики), и, что еще более важно, мы не готовы уверенно ответить на вопрос, носят ли структурные изменения в российской рождаемости конъюнктурный или долговременный характер.

Если мы оставим в стороне ни разу не рожавших женщин и обратим наше внимание на изменениях в структуре *матерей* по ожидаемому числу рожденных детей к концу детородного возраста (т.е. для женщин когда-либо родивших живого ребенка), то в тридцатилетней ретроспективе увеличение доли многодетных, наблюдаемое в последние десять лет, не выглядит столь уж впечатляющим (рисунок 2). Во-первых, в период активизации демографической политики в 1980-е гг. прирост доли женщин с тремя и более детьми был примерно таким же, а сама доля достигла в пиковом 1987 году 30%, т.е. более высокого значения, чем сегодня. На этом уровне, правда, удержаться показатель тогда не смог. Во-вторых, наблюдаемая картина скорее свидетельствует в пользу представлений о «компенсаторно-восстановительной» динамике структуры российской рождаемости по очередности рождений после возмущений, пережитых в 1980-х и 1990-х годах, нежели о радикальных подвижках, вызванных пронаталистскими мерами демографической политики, проводимой со второй половины 2000-х гг. Наконец, итоговая ожидаемая доля двухдетных матерей среди когда-либо рожавших женщин - артикулированная цель российской государственной политики, вопреки распространенному мнению, вообще не изменилась после 2006 г.

Вторая важная характеристика рождаемости, получаемая на основе СТР – табличный средний возраст женщины при рождении ребенка каждой оче-

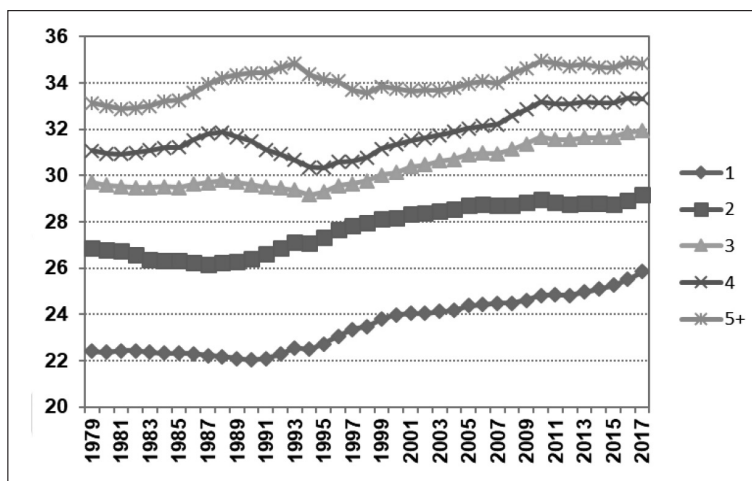

Рисунок 2. Ожидаемая доля матерей (женщин, родивших не менее одного живого ребенка) с указанным числом рожденных детей к возрасту 50 лет при сохранении уровня рождаемости расчетного года, Россия, 1979-2017.

Figure 2. Expected Proportion of Women with the Indicated Number of Children Born by the Age of 50 Years Assuming No Change in the Tempo and Quantum of Fertility of the Given Year, Russia, 1979-2017, Period Age- and Period-Specific Fertility Tables

Источник: расчеты автора на основе ланных, представленных в Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>), и авторских разработок неопубликованных данных Росстата.

редности¹⁷ (рисунок 3). Легко заметить общую тенденцию к постарению материнства, обозначившуюся для женщин при рождении первого и второго ребенка в самом начале 1990-х годов, а при рождении третьего и четвертого ребенка с середины 1990-х годов. Более всего постарели матери первенцев – средний возраст повысился с 22,0 в 1990 г. до 25,9 года в 2017 г. (т.е. почти на 4 года). При рождении второго ребенка прирост составил 3 года с 26,2 в 1987-1989 гг. до 29,2 в 2017 г. Увеличение среднего возраста матери при рождении третьего и четвертого детей составило примерно те же три года: 2,8 года при

Рисунок 3. Средний возраст женщины при рождении ребенка каждой очередности, Россия, специальные таблицы рождаемости, 1979-2017.

Figure 3. Mean Age of Women at Birth of Children of Each Parity, Russia, Period Age- and Parity-Specific Fertility Tables, 1979-2017

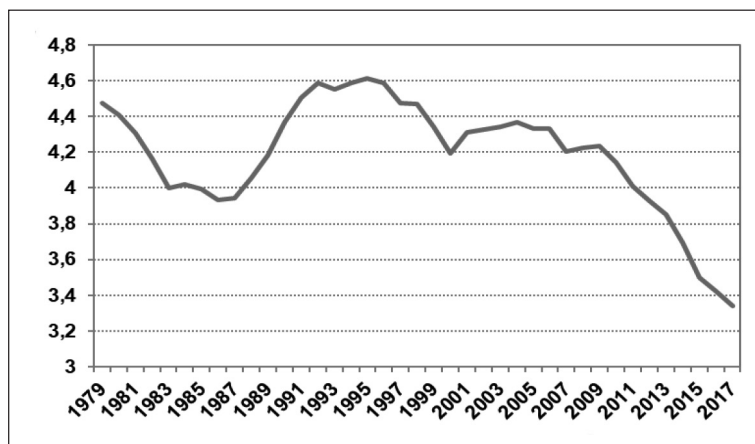
Источник: расчеты автора на основе данных, представленных в Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>), и авторских разработок неопубликованных данных Росстата.

¹⁷ Этот показатель не следует смешивать со средним возрастом женщины при рождении детей по очередности рождения, ежегодно рассчитываемый и публикуемый Росстатом. Разница между ними заключается в том, что для расчета табличного среднего возраста матери при рождении очередного ребенка используются не обычные возрастные коэффициенты рождаемости (где в качестве знаменателя используется общая численность женщин в данной возрастной группе без относительного того, сколько детей она родила), а коэффициенты рождаемости, в расчетах которых используется численность женщин, находящихся под риском рождения очередного ребенка. Так, например, для расчета *табличного* среднего возраста матери при рождении первого ребенка весами служат возрастные коэффициенты рождаемости для первых рождений, определенных относительно ни разу не рожавших женщин, для расчета среднего возраста при рождении второго ребенка – возрастные коэффициенты для женщин родивших одного ребенка, но не родившего третьего по биологическому порядку рождения ребенка и т.д.

рождении третьего и 3 года при рождении четвертого. А вот при рождении пятого ребенка средний возраст матери увеличился только на 1,3 года. Кроме того, нельзя не отметить, что после 2007 г. в России наблюдается резкое замедление увеличения средних возрастов женщин при рождении детей всех очередностей, кроме первых.

В результате опережающего постарения первородящих женщин, в том числе и по причине более позднего начала формирования семей (средний возраст вступления в первый брак также существенно повысился), произошло сжатие интервалов между появлением на свет первенцев и вторых по счету детей. Это можно интерпретировать так, что в России, как, впрочем, и в других развитых странах интенсивно откладывается материнство как таковое, но уже повторные рождения зачастую следуют с меньшим промежутком времени, чем прежде. В результате сегодня наблюдается повышенная интенсивность деторождения у тридцатилетних женщин, сменившая повышенную рождаемость с укороченными интервалами двадцатилетних, характерную для 1980-х годов.

Сокращение среднего интервала времени между первым и вторым рождением, если оценивать его как разницу между табличными средними возрастными женщинами при рождении детей этих очередностей, было очень существенным после 2007 г. Если в 1980-х – 1990-х годах эта величина составляла 4-4,5 года, то в 2017 г. снизилась до 3,3 года (рисунок 4), что, видимо, составляет рекордно низкую величину за всё послевоенное время.

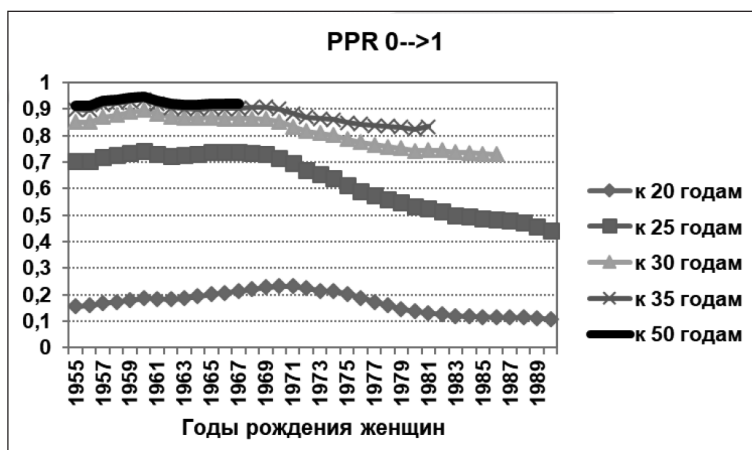
Рисунок 4. Разница между средними возрастными женщинами при рождении детей второй и первой очередности, Россия, специальные таблицы рождаемости, 1979-2017.

Figure 4. The Difference Between the Mean Ages of Women at Birth of Children of the Second and the First Order (in years), Russia, Period Age- and Parity-Specific Fertility Tables, 1979-2017

Источник: расчеты автора на основе данных, представленных в Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>), и авторских разработок неопубликованных данных Росстата.

ИЗМЕНЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ И ОЖИДАЕМЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ: РЕЗУЛЬТАТЫ, ПОЛУЧЕННЫЕ НА ОСНОВЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТАБЛИЦ РОЖДАЕМОСТИ ДЛЯ РЕАЛЬНЫХ ПОКОЛЕНИЙ

Специальные таблицы рождаемости с учетом очередности рождения, построенные для реальных поколений, позволяют оценить накопленные значения вероятностей увеличения семьи к тому или иному возрасту. Эти показатели аналогичны тем, о которых шла речь выше применительно к таблицам рождаемости для условных поколений, т.е. они также представляют собой накопленную долю женщин, родивших очередного ребенка, среди тех, кто родил к фиксированному возрасту на одного ребенка меньше. Но если в случае условных поколений мы трактовали вероятности увеличения семьи как *ожидаемые* показатели при сохранении интенсивности рождаемости текущего года, то для реальных поколений, фактически достигших того или иного возраста, вероятности увеличения семьи к данному возрасту отражают долю женщин *фактически* реализовавших возможность перехода к состоянию с числом детей на одного больше. Так, вероятность увеличения семьи для ни разу не рожавших женщин (PPR 0→1) показывает накопленную долю женщин из некоторого поколения, фактически родивших первого ребенка к тому или иному возрасту (рисунок 5). Итоговый накопленный показатель к возрасту 50 лет

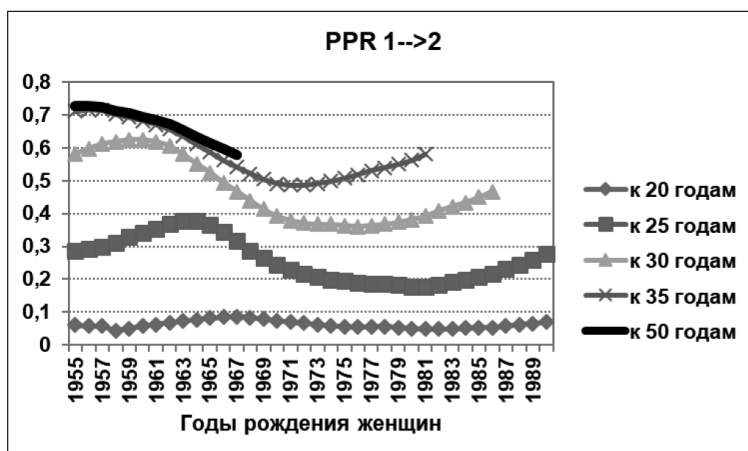
Рисунок 5. Кумулятивные значения вероятности рождения первого ребенка к указанным возрастам (последние данные, принятые в расчет, относятся к 2017 г.), Россия, женские поколения 1955-1990 г.р.

Figure 5. The Cumulative Probability of the Birth of a First Child (PPR0→1) at the Indicated Ages (most recent data refer to 2017), Russia, Female Cohorts Born in 1955-1994

Источник: Расчеты автора на основе данных, представленных в Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>), и авторских разработок неопубликованных данных Росстата.

позволяет оценить окончательную долю бездетных женщин, для чего нужно вычесть из единицы (теоретическое значение, говорящее о полном отсутствии бездетности) полученную по таблицам значение вероятности рождения для первого ребенка. К примеру, поколение 1960 г. завершило свою репродуктивную биографию с вероятностью рождения первого ребенка равным 0,95, что свидетельствует о 5% уровне окончательной бездетности (в расчет принимаются только живорождения и не учитывается смертность детей). Для женщин 1970 года рождения, перешагнувших 45-летний возрастной рубеж, ожидаемая величина составляет 0,93 (7% останутся окончательно бездетными). Полученные нами оценки накопленных вероятностей первого рождения к 35-летнему возрасту (самое молодое поколение, достигшее этого возрастного рубежа – женщины 1981 года рождения), позволяют утверждать, что в России сохраняется тренд увеличения доли ни разу не рожавших женщин. В сегодняшней России величина данного показателя для 35-летних женщин слабо в меньшую сторону отличаются от значений для 50-летних женщин, что дает нам уверенные основания для прогноза доли окончательно бездетности для женщин, родившихся в начале 1980-х гг., на уровне 13-14%. За период, равный репродуктивной деятельности двадцати однолетних поколений, распространенность окончательно бездетности среди женщин России увеличилась в два раза. Как уже говорилось выше, пронаталистская государственная политика, стартовавшая во второй половине 2000-х гг., никак не сказалась на этой тенденции. Важно подчеркнуть, что при столь значительном росте пропорции женщин, не родивших за свою жизнь хотя бы одного ребенка, усилия, направленные на стимулирование повторных рождений, могут не привести к желаемому результату – росту средней величины итоговой рождаемости поколений до уровня, позволяющего обеспечить хотя бы простое замещение поколений. Увеличение вероятности рождения детей 2-й и 3-й очередностей (рисунки 6 – 7) не настолько значительны, чтобы скомпенсировать кумулятивный негативный эффект от существенного снижения вероятности первых рождений. К тому же историческая тенденция к снижению вероятностей рождения четвертых, пятых и последующих детей, по-прежнему превалирует (рисунок 8).

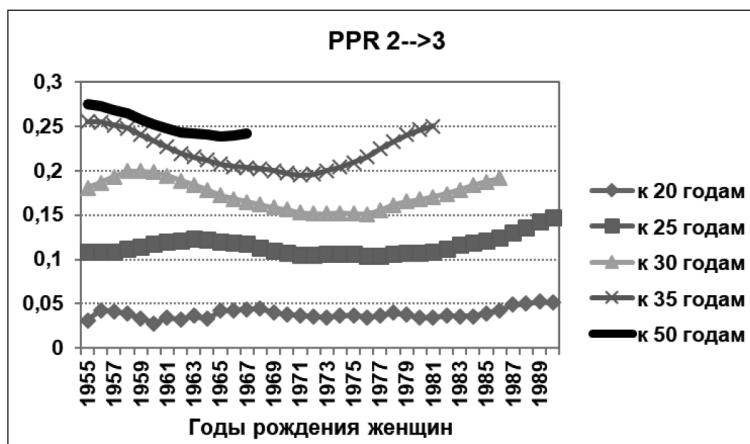
К 30 годам 47% представительниц самой молодой когорты, достигшей к настоящему моменту этого возраста (1986 года рождения), родили второго ребенка (среди тех, кто родил к этому же возрасту первого ребенка). По сравнению с минимальным значением, наблюдавшимся у когорты 1976 г.р. (36%), прирост составил 11 процентных пунктов. К 35 годам этот показатель составил 58% для самой молодой когорты, достигшей этого возраста (когорта 1981 г.р.) против исторического минимума в 49%, (когорта 1971 г.р.) т.е. прирост составил 9 п.п. Вероятность рождения третьего ребенка к возрасту 30 лет для самой молодой когорты находится на уровне 19% (среди тех, кто родил второго ребенка), что на 4 процентных пункта выше исторического для России минимума. К 35 годам для самых молодых поколений вероятность третьего рождения находится на уровне 25%, что означает прирост на 6 п.п. по сравнению с исторически минимальными значениями. Последние оценки для вероятности третьих рождений свидетельствуют о близком их приближении к максимальным значениям, достигнутым представителями поколений 1950-х годов рождения, репродуктив-

Рисунок 6. Кумулятивные значения вероятности рождения второго ребенка к указанным возрастам (последние данные, принятые в расчет, относятся к 2017 г.), Россия, женские поколения 1955-1990 г.р.

Figure 6. The Cumulative Probability of the Birth of a Second Child (PPR1→2) at the Indicated Ages (most recent data refer to 2017), Russia, Female Cohorts Born in 1955-1994

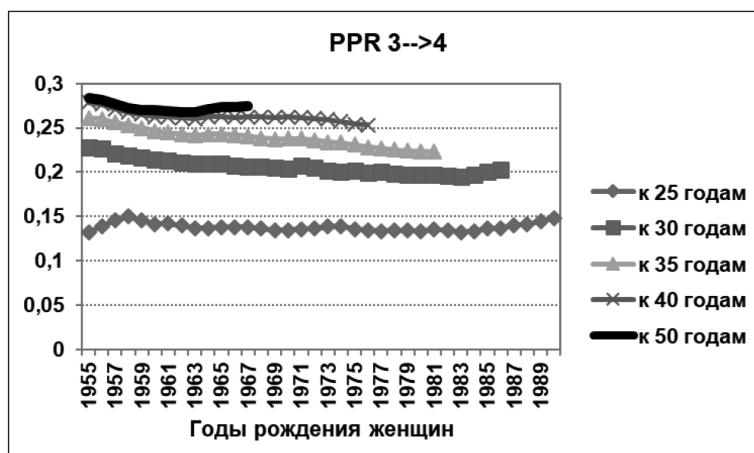
Источник: Расчеты автора на основе данных, представленных в Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>), и авторских разработок неопубликованных данных Росстата.

Рисунок 7. Кумулятивные значения вероятности рождения третьего ребенка к указанным возрастам (последние данные, принятые в расчет, относятся к 2017 г.), Россия, женские поколения 1955-1990 г.р.

Figure 7. The Cumulative Probability of the Birth of a Third Child (PPR2→3) at the Indicated Ages (most recent data refer to 2017), Russia, Female Cohorts Born in 1955-1994

Источник: Расчеты автора на основе данных, представленных в Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>), и авторских разработок неопубликованных данных Росстата.

Рисунок 8. Кумулятивные значения вероятности рождения четвертого ребенка к указанным возрастам (последние данные, принятые в расчет, относятся к 2017 г.), Россия, женские поколения 1955-1990 г.р.

Figure 8. The Cumulative Probability of the Birth of a Fourth Child (PPR3->4) at the Indicated Ages (most recent data refer to 2017), Russia, Female Cohorts Born in 1955-1994

Источник: Расчеты автора на основе данных, представленных в Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>), и авторских разработок неопубликованных данных Росстата.

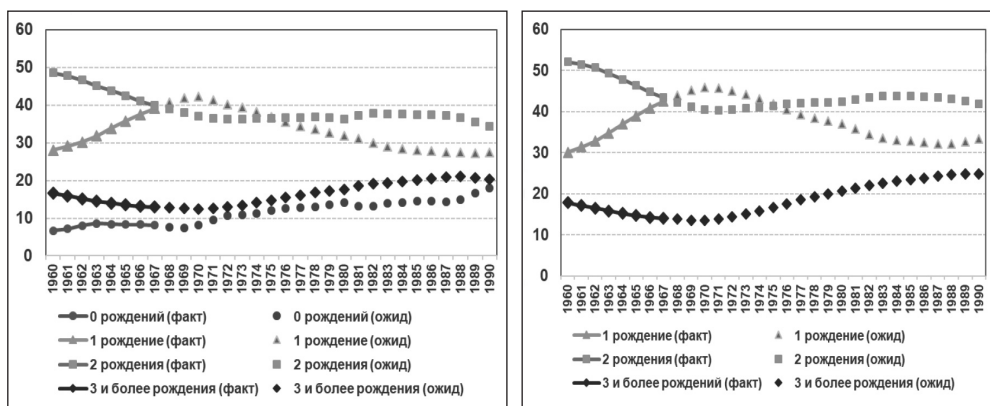
ная активность которых пришлось также на период активизации демографической политики в 1980-х гг. В то же время вероятность вторых рождений сегодня еще очень далеко отстоит от значений, достигнутых в 1980-е годы поколениями 1950-1960-х годов рождения.

Загруднительно однозначно объяснить существенный рост вероятности третьих рождений. Как уже указывалось нами в предыдущих работах,¹⁸ возможные объяснения выходят за рамки собственно демографического анализа и, видимо, связаны с социально-экономической, региональной и этнической неоднородностью российского населения. Без сомнения на финансовые меры по стимулированию рождаемости отозвались, в первую очередь, социальные группы, в которых многодетность сохраняет положительную ценность. Не исключено также, что миграционная привлекательность России со стороны южных республик с более высокими нормами детности усиливает ее неоднородность в отношении реализуемых репродуктивных стратегий, что, в конечном счете, приводит к повышению доли женщин, родивших более двоих детей. В то же время нельзя не обратить внимание, что складывающаяся ситуация с повторными рождениями во многом напоминает ситуацию, которую пережила Россия

¹⁸ См.: Население России 2012. М., 2014, с.146-188. (http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r12/sod_r.html)

в 1980-х гг., когда вслед за принятием новых мер семейной политики также последовало ускоренное формирование семей за счет вторых и третьих рождений, которое, однако не привело к значимому увеличению итоговой рождаемости поколений. Станем ли мы свидетелями повторения опыта 1980-х гг., ведущего лишь к временному подъему вероятности повторных рождений, или нас ожидает иная, более обнадеживающая ситуация, покажет будущее.

Опираясь на фактические значения вероятностей увеличения семьи для когорт, завершивших деторождение, и прогнозируемые значения для когорт в возрасте 25 лет и старше, зафиксированные на основании последних данных 2017 года, можно оценить фактическую и перспективную долю женщин, родивших то или иное число детей. На рисунке 9 представлены результаты наших оценок как для всех женщин, включающих тех, кто за свою жизнь не родил ни одного живого ребенка, так и для женщин-матерей, когда-либо родивших не менее одного живого ребенка.

Рисунок 9. Процент женщин с указанным числом рожденных детей к возрасту 50 лет: фактический для поколений 1960-1967 гг. рождения и ожидаемый при сохранении возрастной модели рождаемости, наблюдаемой в 2015-2017 гг. для поколений 1968-1990 гг. рождения.

Figure 9. Percentage of Women with a Specified Number of Children Born by the Age of 50 Years: Actual for the Cohorts of 1960-1967 and Expected for the Cohorts of 1968-1990 Assuming No Change in Age and Parity Fertility Pattern Observed in 2015-2017, Female Cohorts Born in 1955-1990

Примечание: Левая панель – все женщины, рожавшие и не рожавшие живых детей, правая панель – женщины, родившие хотя бы одного живого ребенка (матери).

Источник: Расчеты автора на основе данных, представленных в Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>), и авторских разработок неопубликованных данных Росстата.

Результаты, полученные в отношении итогового (к возрасту 50 лет) распределения женщин по числу рожденных детей, на основе СТР для реальных поколений подтверждают и уточняют выводы, сделанные на основе СТР для условных поколений.

Во-первых, вызывает беспокойство продолжающийся рост доли окончательно бездетных женщин. При сохранении имеющихся тенденций, уже поколения, родившиеся в конце 1980-х гг., могут приблизиться к 20% отметке.

Во-вторых, доля женщин, ограничившихся одним ребенком, достигла исторического максимума – 40% – в поколениях женщин второй половины 1960-х – первой половины 1970-х годов, чей активный период деторождения пришелся на тяжелый период активных политических, социальных и экономических перемен в конце 1980-х и в 1990-е гг. Для поколений женщин 1980-х гг. рождения можно с уверенностью ожидать более низкий процент итоговой однодетности, на уровне поколений, рожденных в начале 1960-х гг. (около 30%).

В-третьих, доля женщин с двумя рождениями к концу репродуктивного периода в поколениях 1970-х гг. рождения стала ниже, чем в поколениях 1950-х – начала 1960-х гг. примерно на 10 п.п., и остается практически неизменной на уровне 30% для более молодых поколений. Если и имеется влияние политики по стимулированию вторых рождений, то выражено оно очень слабо. Наиболее надежные данные, основанные на СТР для реальных поколений, свидетельствуют именно об этом.

В-четвертых, наиболее интригующей выглядит тенденция для матерей, родивших трех и более детей (как было показано выше, главным образом, именно троих детей). Для поколений женщин, родившихся во второй половине 1980-х гг. ожидаемая доля с тремя и более детьми превысила показатели, наблюдавшиеся у их матерей – женщин, родившихся в конце 1950-х – начале 1960-х годах. Как уже говорилось выше, этот феномен, подтвержденных данными СТР и для условных, и для реальных поколений, требует дополнительного изучения. В то же время еще раз подчеркнем, было бы опрометчиво тенденцию роста вероятности рождения третьего ребенка приписывать исключительно результатам пронаталистской политики, стартовавшей после 2006 г. Хотя, скорее всего, политика здесь играет какую-то роль. Требуется дальнейшее статистическое и социологическое наблюдение в разрезе социо-экономических, этно-территориальных групп населения, чтобы понять, в какой мере имеет дальнейшую перспективу рост числа многодетных в России.

Представления об итоговой величине рождаемости для реальных поколений, еще не вышедших из детородного возраста, можно получить, если «достроить» фактически рожденные к моменту наблюдения числа детей для каждого поколения, полученными для них каким-либо образом ожидаемыми числами «еще пока не рожденных детей». На международном уровне принят подход, при котором, производится суммирование фактически рожденного к моменту наблюдения числа детей для каждого поколения женщин и гипотетического числа детей, которое можно ожидать, если в последующих возрастах средняя женщина из данного поколения будет иметь такую же рождаемость, какую продемонстрировали в год наблюдения женщины, достигшие этих возрастов. При таком подходе для поколения женщин, которым в год наблюдения исполнилось 15 лет, оценка итоговой рождаемости полностью базируется на «ожидаемой» компоненте, и численно совпадает с обычным коэффициентом суммарной рождаемости для условных поколений, т.е. совершенно условная величина. Чем старше поколение, тем вклад «ожидаемой» компоненты уменьшается, и оценки итоговой величины рождаемости становятся все более надежными, поскольку в них все более значимую роль играет уже фактически реализованная рождаемость.

Если производить регулярные оценки, учитывающие меняющиеся год от года возрастные коэффициенты рождаемости, то можно получить динамическую картину последовательных изменений в оценках и «фактической», и «ожидаемой» компонент итоговой рождаемости для одного и того же поколения, а, следовательно, и их суммарного значения. В последние десятилетия в развитых странах и России происходит увеличение рождаемости у женщин старше 25 и даже старше 35 лет, и до тех пор, пока наблюдается это увеличение, оценки итоговой рождаемости будут пересматриваться в сторону повышения не только для самых молодых поколений, но и для представительниц старших когорт с растущим вкладом поздней рождаемости.

В ежегодных докладах ИДЕМ «Население России» мы на протяжении уже многих лет представляем ожидаемые оценки итоговой рождаемости российских поколений, основанных на подходе, принятом на международном уровне, и учитывающем данные о когортной рождаемости за самый последний год.

Посмотрим, какие можно было бы сделать оценки итоговой рождаемости для послевоенных поколений, опираясь на ретроспективные данные, ограниченные 1999 г. (год исторически минимальной величины коэффициента суммарной рождаемости), и сравним их с оценками, полученными для тех же поколений на основе последних имеющихся данных за 2013 г. (таблица 3). Кроме того, чтобы оценить особо значимый вклад роста рождаемости после 2006 г. (т.е. после того, как были введены в действие новые меры демографической политики), мы воспроизвели в таблице оценки ожидаемой итоговой рождаемости, выполненные нами ранее с опорой на данные за 2006 г.

Очевидно, что итоговая рождаемость для женских когорт второй половины 1950-х гг. рождения (1,88 ребенка на одну женщину) не менялась – эти поколения уже в первой половине 2000-х годов были близки к завершению репродуктивной карьеры, а в 2010 г. из него уже вышли. Показатели для поколений, родившихся в первой половине 1960-х гг., изменились, по сравнению с оценкой 1999 г., в сторону увеличения едва заметно – 1,76 против 1,75, а изменения, произошедшие после 2006 г. выходят за пределы принятой в таблице значимости показателя (два знака после запятой). Рост рождаемости, отмеченный в последнее десятилетие не прошел бесследно для поколений женщин, рожденных во второй половине 1960-х гг. – их итоговая рождаемость перешагнула отметку 1,6 ребенка (1,64 против 1,58 в 1999 г.). Правда, прирост рождений в 2007-2017 гг. для этих поколений, выходящих из репродуктивного возраста, едва различим – 0,01 в расчете на одну женщину.

Более значимо изменились ожидаемые показатели рождаемости для когорт, родившихся в 1970-х годах: по сравнению с оценками, исходившими из фактической рождаемости накопленной к 2000 г., более поздние оценки дают прирост 0,2-0,4 ребенка в расчете на одну женщину. Можно уже с уверенностью утверждать, что поколения женщин, родившиеся в 1970-х гг., будут иметь в итоге в среднем 1,6 рождения. Итоговая рождаемость поколений 1970-х годов, без сомнений, будет ниже, чем у предшественников, и составит исторически рекорд наиболее низкого уровня рождаемости в России.

Поколения, родившиеся в 1980-х гг., скорее всего завершат свою репродуктивную биографию с несколько большей рождаемостью, чем поколения 1970-х.

Таблица 3
Фактическая и перспективная рождаемость реальных поколений в России,
женщины 1955-1989 гг. рождения

Table 3
Actual and Projected Completed Cohort Fertility, Female Cohorts Born] in 1955-1990

Годы рождения женщин	Итоговое число рождений		Оценка на основе данных 2017 г.			Разница между оценками 1999 и 2017 гг.	Разница между оценками 2006 и 2017 гг.
	Оценка на основе данных 1999 г.	Оценка на основе данных 2006 г.	Фактически рождено к 2018г., детей на одну женщину	Ожидается рождений дополнительно к уже рожденным	Итоговое число рождений		
1955-1959	1,88	1,88	1,88	0,00	1,88	0,00	0,00
1960-1964	1,75	1,76	1,76	0,00	1,76	0,01	0,00
1965-1969	1,58	1,63	1,64	0,00	1,64	0,06	0,01
1970-1974	1,40	1,52	1,59	0,01	1,60	0,20	0,08
1975-1979	1,23	1,43	1,61	0,04	1,65	0,42	0,22
1980-1984	1,16	1,33	1,51	0,22	1,73	0,57	0,40
1985-1989	-	-	1,17	0,58	1,75	-	-

Источник: расчеты автора, основанные на данных переписей населения 1979, 1989 гг. и возрастных коэффициентах рождаемости для однолетних возрастных групп в 1979-2017 гг. полученных на основе исходных данных Росстата.

С учетом наблюдаемых сегодня тенденций у них имеются шансы достигнуть в среднем 1,7-1,75 рождений на одну женщину, т.е. на 0,1-0,15 рождений выше, чем для женщин 1970-х г.р.. Это будет означать, что историческое, более чем вековое снижение рождаемости от поколения к поколению в России остановится. С такими характеристиками Россия будет не сильно отличаться от прогнозных значений рождаемости для условных и реальных поколений в среднем для Европы.

Итак, при фиксированных возрастных коэффициентах рождаемости на уровне 2017 г. для поколений, достигших 25 лет и старше к 2018 году, перспектива стабилизации итоговой рождаемости реальных поколений в России на уровне 1,7 выглядит вполне обоснованной.

С целью проконтролировать полученный результат мы прибегли к альтернативному методу перспективной оценки итоговой рождаемости для женских поколений, которые перешагнули за 25-летний возраст. С учетом сегодняш-

ней российской возрастной модели рождаемости все когорты старше 25 лет достигли или уже преодолели пиковое значение коэффициента рождаемости. Метод предполагает экстраполяцию возрастных значений вероятностей родить очередного ребенка для реальных поколений, базирующейся на моделировании темпов снижения возрастных значений вероятностей родить ребенка для условных поколений (для календарных периодов) отдельно для каждой очередности рождения за пределами возраста, в котором были достигнуты пиковые значения. Следует отметить, что кривая, описывающая темпы изменений вероятностей рождения ребенка каждой очередности для женщин после 25 лет в условных поколениях демонстрируют достаточно высокую устойчивость во времени¹⁹.

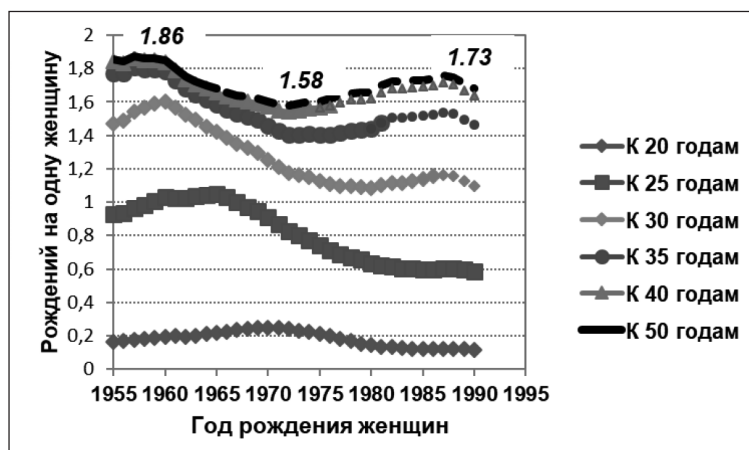
После получения модельной кривой изменения возрастных функций вероятностей очередного рождения они были использованы для экстраполяции значений для реальных поколений на отрезке возрастного интервала деторождения от возраста, достигнутого в 2017 г. (25 лет и старше), и до 50 лет. Фактические значения вероятностей, дополненные экстраполированными значениями, легли в основу построения полных специальных таблиц рождаемости по очередности рождения для реальных поколений. Преимущество описанного подхода состоит в том, что мы получаем возможность построить специальные таблицы рождаемости, и, следовательно, оценить для реальных поколений перспективные значения таких важных характеристик, как итоговые вероятности увеличения семьи для каждой очередности рождения, ожидаемое распределение женщин по числу рожденных детей, средний возраст матери при рождении очередного ребенка, интервалы между рождениями детей и др.

Полученные усредненные значения итоговой рождаемости для поколений женщин 1970-1974 г.р. составили 1,58, 1975-1979 г.р. – 1,63, для женщин 1980-1984 г.р. – 1,70, для женщин 1985-1989 г.р. – 1,73. В сравнении с оценками, полученными более традиционным способом (замораживание возрастных коэффициентов рождаемости на уровне, зафиксированном в 2017 г., см. таблицу 3), оценки, полученные с использованием моделирования возрастных функций вероятностей рождения очередного ребенка и построения на их основе перспективных СТР для реальных поколений, дает чуть более консервативные оценки.

На рисунке 10 представлены фактические и перспективные изменения накопленной величины среднего числа рожденных детей в расчете на одну женщину к конкретному возрасту, полученные на основе СТР для реальных поколений с элементами моделирования для когорт, не достигших к 2018 г. указанных пороговых возрастов. На основе полученных результатов можно выразить предположение, что приостановка роста рождаемости в России, обозначившаяся в 2016-2018 гг., может носить не краткосрочный, а более долговременный характер.

---

¹⁹ Подробнее о методе см.: Население России 2013. Двадцать первый ежегодный демографический доклад // Отв. ред. С. В. Захаров. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015, с.124-128. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r13/sod_r.html

Рисунок 10. Накопленное фактическое и перспективное среднее число когда-либо рожденных детей к указанным возрастам в расчете на одну женщину, Россия, женские поколения 1955-1990 г.р.

Figure 10. Cumulative Actual and Projected Average Number of Children Ever Borne by the Indicated Ages, Female Cohorts Born in 1955-1990

Источник: Расчеты автора на основе данных, представленных в Human Fertility Database (<http://www.humanfertility.org>), и авторских разработок неопубликованных данных Росстата.

ВЫВОДЫ

Главные выводы, которые следуют из анализа специальных таблиц рождаемости для условных поколений будут следующими:

- в течение последних двух с половиной десятилетий в России наблюдалось повышение уровня рождаемости в результате частичного восстановления соотношения вероятностей увеличения семьи и структуры женщин по числу когда-либо рожденных детей после возмущений вызванных семейной политикой 1980-х годов и социально-экономическими и политическими трудностями 1990-х годов;
- произошедшее восстановление оказалось далеко не полным: вероятность первых рождений остается на рекордно низких для России уровнях, вероятность появления на свет вторых, третьих и четвертых детей, хотя и достигла уровня, устойчиво поддерживавшегося в конце 1970-х - начале 1980-х годов, но не очевидно, что сможет на нем удержаться (данные за 2107г. и предварительные данные за 2018 г. усиливают наш пессимизм);
- восстановительный тренд начался задолго до активизации демографической политики, но был поддержан и усилен активными мерами пронаatalистской политики государства, начавшими действовать с 2007 г. с дальнейшим развитием;
- трансформация российской модели рождаемости в сторону более позднего материнства сыграла важнейшую роль в снижении итоговых пока-

- зателей рождаемости для условных поколений в 1990-е гг., но в последние десять лет постарение возрастного профиля рождаемости затормозилось и сохраняется только для первородящих женщин;
- вполне вероятно, что стимулирующие меры семейной политики ускорили появление вторых и последующих детей, в том числе в молодом возрасте, о чем свидетельствует не только характер изменений средних возрастов матери при рождении очередного ребенка, но и снижение разницы в средних возрастах рождения первого и второго ребенка, достигших исторически рекордно низких значений.

Подводя итоги результатов оценивания перспективного изменения итоговой рождаемости реальных поколений, выскажем предположение, что Россия, возможно, прошла точку исторического минимума уровня рождаемости – менее 1,6 рождений в расчете на одну женщину, достигнутого когортами первой половины 1970-х годов рождения. С учетом уровня и структуры рождаемости по очередности рождения, наблюдаемых в самые последние годы, итоговая рождаемость поколений, рожденных в конце 1970-х, будет ненамного, но выше, чем у их непосредственных предшественников. Вероятнее всего медленный рост будет продолжен в поколениях 1980-х годов рождения с тенденцией к стабилизации на уровне 1,7 рождений на одну женщину.

Отмеченные положительные моменты в тенденциях российской рождаемости вселяют определенный оптимизм, но не стоит обольщаться относительными успехами, достигнутыми за два десятилетия, и в особенности за последние десять лет действия мер по стимулированию рождаемости. Во-первых, они совсем не велики, если не сказать, едва заметны. Во-вторых, как подсказывает отечественный и зарубежный исторический опыт, спад интенсивности деторождения, зафиксированный в 2016-2017 гг. и продолжившийся, судя по предварительным данным, в 2018 гг., может быть более значительным, чем видится из сегодняшнего дня. В этом случае наши достаточно консервативные оценки перспективного изменения рождаемости, основанные на знаниях текущей ситуации и ожидаемого изменения возрастного профиля рождаемости, могут показаться слишком оптимистичными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Е. М., Баркалов Н. Б. (1999). Таблицы рождаемости по очередности рождения. Вопросы статистики, 5, с. 64-66.
2. Архангельский В. Н. (2015) Помощь семьям с детьми в России: оценка демографической результативности. Социологические исследования, 3, с. 56-64.
3. Архангельский, В. Н., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В., Шульгин С. Г. (2017). Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки. Социологические исследования, 3, с. 43-50.
4. Вишневский А. Г. (2006, ред.) Демографическая модернизация России, 1900-2000. Москва, «Новое издательство», 608 с.
5. Гурко Т. А. (2013). О концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года: экспертная оценка. Социологическая наука и социальная практика, 3, с. 33-52.

6. **Дарский Л. Е., Тольц М. С.** (2013). Демографические таблицы: Учебное пособие. Москва: МАКС Пресс, 104с.
7. **Захаров С. В.** (2003) Демографический переход и воспроизводство поколений в России. Вопросы статистики, 11, с. 3-12.
8. **Мультирегиональная/мультистатусная демография.** Сборник переводных статей. Под науч. ред. Н. Гатева. Институт социального управления. София, 1983.
9. **Народонаселение** (1994). Энциклопедический словарь (Ред. кол.: Г. Г. Меликьян (Гл. ред и др.)). Москва, «Большая Российская энциклопедия», 1994, 639 с.
10. **Население России 1999** (2000). Седьмой ежегодный демографический доклад (Ред. А. Г. Вишневский). Москва, Книжный дом «Университет», 175 с.
11. **Население России 2012** (2014). Двадцатый ежегодный демографический доклад (Ред. А. Г. Вишневский). Москва, Издательский дом ВШЭ, 412с.
12. **Население России 2013** (2015). Двадцать первый ежегодный демографический доклад (Ред. С. В. Захаров). Москва, Издательский дом ВШЭ, 432с.
13. **Население России 2014** (2016). Двадцатый второй ежегодный демографический доклад (Ред. С. В. Захаров). Москва, Издательский дом ВШЭ, 360с.
14. **Население России 2015** (2017). Двадцатый третий ежегодный демографический доклад (Ред. С.В.Захаров). Москва, Издательский дом ВШЭ, 448 с.
15. **Население России 2016** (2018). Двадцатый четвертый ежегодный демографический доклад (Ред. С.В.Захаров). Москва, Издательский дом ВШЭ, 2018, 448 с.
16. **Осипов Г. В., Рязанцев С. В.** (2014). Демографическая политика в России: трансформация, результаты, перспективы. Вестник Российской Академии наук, 84(11), с. 963-972.
17. **Рыбаковский Л. Л.** (2015). Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования. Социологические исследования, 9, с. 62-70.
18. **Рыбаковский Л. Л.** (2016). Результативность как основной показатель оценки состояния и тенденций рождаемости. Социологические исследования, 4, с. 23-30.
19. **Стенограмма** рабочей встречи Президента Путина с Министром труда и социальной защиты Максимом Топилиным (Москва, Кремль, 13 сентября 2016 г.)
20. **Фрейка Т., Захаров С. В.** (2014). Эволюция рождаемости за последние полвека в России: оптика условных и реальных поколений. Демографическое обозрение, 1(1), с. 106–143.
21. **Barkalov N. B.** (1999). The fertility decline in Russia, 1989-1996: a view with period parity-progression ratios. *Genius*. 55 (3-4), pp. 11-60.
22. **Barkalov N. B.** (2005). Changes in the quantum of Russian fertility during the 1980s and early 1990s. *Population and Development Review*. 31(3), pp. 545-556.
23. **H. S. Basten, T. Frejka** (Co-ordinating authors) (2016). Fertility and Family Policies in Central and Eastern Europe after 1990. *Comparative Population Studies*, 41(1), pp. 3-56.
24. **Frejka T., Sobotka T.** (2007). Cohort birth order, parity progression ratio and parity distribution trends in developed countries. *Demographic Research*, 16, Article 11, pp. 315-374.
25. **Frejka T., Sobotka T.** (2008). Fertility in Europe: Diverse, delayed and below replacement *Demographic Research*, 19, Article 3, pp. 15-46.
26. **Frejka T., Zakharov S.** (2012). Comprehensive Analyses of Fertility Trends in the Russian Federation during the Past Half Century. MPIDR Working Paper, WP 2012-027 (September 2012), 27p. Available at: (<http://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2012-027.pdf>). Date of access: 09.06.2019.
27. **Frejka T., Zakharov S.** (2013). The Apparent Failure of Russia's Pronatalist Family Policy. *Population and Development Review*, 39(4), pp. 635-647.
28. **Jasilioniene A., Jdanov D. A., Sobotka T., Andreev E. M, Zeman K. Shkolnikov V. M. et al** (2015). Methods Protocol for the Human Fertility Database. Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research. Available at: <https://www.humanfertility.org/Docs/methods.pdf>.
29. **Leridon H. Menken J., eds** (1979). Natural fertility: patterns and determinants of natural fertility. Liege (Belgium): IUSSP and Ordina, 556p.
30. **Moultrie T.** (2013) Parity progression ratios. Tools for Demographic Estimation. UNFPA. Available at: <http://demographicestimation.iussp.org/content/parity-progression-ratios>). Date of access: 09.06.2019.

31. **Reproductive Health Survey Russia 2011.** (2012). Executive Summary. ROSSTAT, Ministry of Health of the Russian Federation; United Nations Population Fund (UNFPA); Centers for Disease Control and Prevention, Atlanta, USA (DRH/CDC). Moscow, Information and Publishing Center "Statistics of Russia", September 2012. Available at: <https://www.cdc.gov/reproductivehealth/global/publications/surveys/russia/russia-survey-2011-exec-sum.pdf>. Date of access: 09.06.2019.
32. **Retherford R., Ogawa N., Matsukura R., and Eini-Zinab H.** (2010). Multivariate Analysis of Parity Progression-Based Measures of the Total Fertility Rate and Its Components. *Demography*, 47(1), pp. 97–124.
33. **Toulemon L., Pailhé A., Rossier C.** (2008). France: High and stable fertility. *Demographic Research*, 19, Article 16, p. 503-556.
34. **Zakharov S. V.** (2008). Russian Federation: From the first to second demographic transition. *Demographic Research*, 19, Article 24 (Special Collection 7: Childbearing Trends and Policies in Europe), pp. 907-972.
35. **Zakharov S.** (2016). The modest demographic results of pronatalist policy against the background of the long-term evolution of fertility in Russia. *Demographic Review. English Selection*, pp. 4-46. Available at: <https://demreview.hse.ru/article/view/7310/8182>. Date of access: 09.06.2019.
36. **Zakharov S.** (2018). Family Policy. In: I. Studin (ed.) *Russia: Strategy, Policy, Administration*. Chapter 28. London, Palgrave Macmillan UK, pp. 319-330.
37. **Zeman K., Beaujouan É., Brzozowska Z., Sobotka T.** (2017). Cohort Fertility Decline in Low Fertility Countries: Decomposition Using Parity Progression Ratios. Vienna Institute of Demography. Working Paper No. 3/2017 and Human Fertility Database Research Paper, RR-2017-003, 39p. Available at: https://www.oew.ac.at/fileadmin/subsites/Institute/VID/PDF/Publications/Working_Papers/WP2017_03_HFDRR.pdf. Date of access: 09.06.2019.
38. **Zeman K., Beaujouan E., Brozowska Z., and T. Sobotka** (2018). Cohort fertility decline in low fertility countries: Decomposition using parity progression ratios. *Demographic Research*, 38, Article 25, pp. 651-690.

REFERENCES

1. **Andreev E. M., N. B. Barkalov** (1999). Tablitsy rozhdaemosti po ocherednosti rozhdenia. [Fertility tables by birth order]. *Voprosy Statistiki*, 5, s. 64-66]. (in Russian).
2. **Arkhangelsky V. N.** (2015). Pomosht semyam v Rossii: otsenka demograficheskoi rezultativnosti. [Support of families in Russia: Evaluation of demographic results]. *Sotsiologicheskie Issledovania*, 3, s.56-64]. (in Russian).
3. **Arkhangelsky V. N., Zinkina Yu. V., Korotaev A. V., S. G. Shulgin** (2017). Sovremennye tendentsii rozhdaemosti v Rossii i vliyanie mer gosudarstvennoi podderzhki. [Recent fertility trends in Russia and impact of the state support measures]. *Sotsiologicheskie Issledovania*, 3, s.43-50. (in Russian).
4. **Vishnevsky A. G.** (2006, ed.). *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900-2000.* [Demographic modernization of Russia, 1900-2000]. Moscow, "Novoe Izdatel'stvo", 608p. (in Russian).
5. **Gurko T. A.** (2013). O kontseptsii gosudarstvennoi semeinoi politiki Rossiskoi Federatsii na period do 2025 goda: ekspertnaya otsenka. [On the Concept of state family policy of Russian Federation up to 2025: An expert evaluation]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 3, s.33-52]. Available at: (<http://jour.isras.ru/upload/journals/4/articles/2998/submission/original/2998-5543-1-SM.pdf>). Date of access: 09.06.2019. (in Russian).
6. **Darsky L. E., M. S. Tolts** (2013). *Demograficheskie tablitsy. Uchebnoe posobie.* [Demographic tables. Manual]. Moscow, MAKS Press]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/darskij_tolc/darskij_tolc.html. Date of access: 09.06.2019. (in Russian).
7. **Zakharov S. V.** (2003). Demografichesky perekhod i vosproizvodstvo pokoleniy v Rossii. [Demographic transition and generations replacement in Russia]. *Voprosy statistiki*, 11, s. 3-11]. (in Russian).
8. **Multiregional'naya / Multistatusnaya demografia.** Sbornik perevodnykh statei. [Multiregional / Multistate demography. Collection of translated articles. N. Gateva, Scientific Editor. Institute for Social Management. Sofia (Bulgaria), 1983, 160s.]. (in Russian)

9. **Narodonaselenie.** Entsiklopedichesky slovar' (1994). [Population. An Encyclopedic Dictionary. (1994) Editorial board: GG. Melyk'yan, Editor-in-chief et al. Moscow, "Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopedia", 639s.]. (in Russian).
10. **A. G. Vishnevsky (ed.) Naselenie Rossii 1999** (2000). Sed'moi ezhegony demografichesky doklad. [Population of Russia 1999. (2000). The Seventh annual demographic report). Moscow, Knizhny dom "Universitet", 175s.]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r99/razdel3g3_4.html. Date of access: 09.06.2019. (in Russian).
11. **A. G. Vishnevsky (ed.) Naselenie Rossii 2012** (2014). Dvadtsaty ezhegony demografichesky doklad. [Population of Russia 2012. (2014). The Twentieth annual demographic report). Moscow, 412s.]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r12/sod_r.html. Date of access: 09.06.2019. (in Russian).
12. **S. V. Zakharov (ed.) Naselenie Rossii 2013** (2015). Dvadtsat' pervy ezhegony demografichesky doklad. [Population of Russia 2013. (2015). The Twenty first annual demographic report). Moscow, 432s.]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r13/sod_r.html. Date of access: 09.06.2019. (in Russian).
13. **S. V. Zakharov (ed.) Naselenie Rossii 2014** (2016). Dvadtsat' vtoroi ezhegony demografichesky doklad. [Population of Russia 2014. (2016). The Twenty second annual demographic report). Moscow, 360s.]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r14/sod_r.html. Date of access: 09.06.2019. (in Russian).
14. **S. V. Zakharov (ed.) Naselenie Rossii 2015** (2017). Dvadtsat' trety ezhegony demografichesky doklad. [Population of Russia 2015. (2017). The Twenty third annual demographic report). Moscow, 448s.]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r16/sod_r.html. Date of access: 09.06.2019. (in Russian).
15. **S. V. Zakharov (ed.) Naselenie Rossii 2016** (2018). Dvadtsat' chetvery ezhegony demografichesky doklad. [Population of Russia 2016. (2018). The Twenty fourth annual demographic report). Moscow, 448s.]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r16/sod_r.html. Date of access: 09.06.2019. (in Russian).
16. **Osipov G. V., S. V. Ryazantsev** (2014). Demograficheskaya politika v Rossii: transformatsiya, rezultaty, perspektivy. [Demographic policy in Russia: transformation, results, perspectives]. Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk. 8(14), s.963-972]. (in Russian).
17. **Rybakovsky L. L.** (2015). Kontseptsya demograficheskoi poliki Rossii: opyt razrabotki I puti sovershenstvovaniya. [The Concept of Demographic policy of Russia: the experience of development and ways for improvement]. Sotsiologicheskie Issledovaniya, 9, s. 62-70]. (in Russian).
18. **Rybakovsky L. L.** (2016). Rezultativnost' kak osnovnoy pokazatel' otsenki sostoyaniya I tendentsy rozhdaemosti. [Effectiveness as a main indicator of assessment of fertility trends]. Sotsiologicheskie Issledovaniya, 4, s. 23-30]. (in Russian).
19. **Stenogramma** rabochei vstrechi Prezidenta Putina s Ministrom truda I sotsial'noy zashchity Maksimom Topilinym. [Transcript of President Putin's working meeting with Labor and Social Protection Minister Maxim Topilin], Moscow, Kremlin, 13 September, 2016]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/52884>. Date of access: 09.06.2019. (in Russian).
20. **Fejka T., S. V. Zakharov** (2014). Evolutsiya rozhdaemosti za poslednie polveka: optika uslovykh I realnykh pokoleniy. [Fertility trends in Russia during the past half century: period and cohort perspectives]. Demographic Review, 1(1), s. 106-143]. Available at: <https://demreview.hse.ru/article/view/1828>. Date of access: 09.06.2019. (in Russian).
21. **Barkalov N. B.** (1999). The fertility decline in Russia, 1989-1996: a view with period parity-progression ratios. *Genius*. 55 (3-4), pp. 11-60.
22. **Barkalov N. B.** (2005). Changes in the quantum of Russian fertility during the 1980s and early 1990s. *Population and Development Review*. 31(3), pp. 545-556.
23. **H. S. Basten, T. Frejka** (Co-ordinating authors) (2016). Fertility and Family Policies in Central and Eastern Europe after 1990. *Comparative Population Studies*, 41(1), pp. 3-56.
24. **Frejka T., Sobotka T.** (2007). Cohort birth order, parity progression ratio and parity distribution trends in developed countries. *Demographic Research*, 16, Article 11, pp. 315-374.
25. **Frejka T., Sobotka T.** (2008). Fertility in Europe: Diverse, delayed and below replacement Demographic Research, 19, Article 3, pp. 15-46.

26. **Frejka T., Zakharov S.** (2012). Comprehensive Analyses of Fertility Trends in the Russian Federation during the Past Half Century. MPIDR Working Paper, WP 2012-027 (September 2012), 27p. Available at: (<http://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2012-027.pdf>). Date of access: 09.06.2019.
27. **Frejka T., Zakharov S.** (2013). The Apparent Failure of Russia's Pronatalist Family Policy. *Population and Development Review*, 39(4), pp. 635-647.
28. **Jasilioniene A., Jdanov D. A., Sobotka T., Andreev E. M., Zeman K. Shkolnikov V. M. et al** (2015). Methods Protocol for the Human Fertility Database. Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research. Available at: <https://www.humanfertility.org/Docs/methods.pdf>.
29. **Leridon H. Menken J., eds** (1979). Natural fertility: patterns and determinants of natural fertility. Liege (Belgium): IUSSP and Ordina, 556p.
30. **Moultrie T.** (2013) Parity progression ratios. Tools for Demographic Estimation. UNFPA. Available at: <http://demographicsestimation.iussp.org/content/parity-progression-ratios>). Date of access: 09.06.2019.
31. **Reproductive Health Survey Russia 2011.** (2012). Executive Summary. ROSSTAT, Ministry of Health of the Russian Federation; United Nations Population Fund (UNFPA); Centers for Disease Control and Prevention, Atlanta, USA (DRH/CDC). Moscow, Information and Publishing Center "Statistics of Russia", September 2012. Available at: <https://www.cdc.gov/reproductivehealth/global/publications/surveys/russia/russia-survey-2011-exec-sum.pdf>. Date of access: 09.06.2019.
32. **Retherford R., Ogawa N., Matsukura R., and Eini-Zinab H.** (2010). Multivariate Analysis of Parity Progression-Based Measures of the Total Fertility Rate and Its Components. *Demography*, 47(1), pp. 97-124.
33. **Toulemon L., Pailhé A., Rossier C.** (2008). France: High and stable fertility. *Demographic Research*, 19, Article 16, p. 503-556.
34. **Zakharov S. V.** (2008). Russian Federation: From the first to second demographic transition. *Demographic Research*, 19, Article 24 (Special Collection 7: Childbearing Trends and Policies in Europe), pp. 907-972.
35. **Zakharov S.** (2016). The modest demographic results of pronatalist policy against the background of the long-term evolution of fertility in Russia. *Demographic Review. English Selection*, pp. 4-46. Available at: <https://demreview.hse.ru/article/view/7310/8182>. Date of access: 09.06.2019.
36. **Zakharov S.** (2018). Family Policy. In: I. Studin (ed.) *Russia: Strategy, Policy, Administration*. Chapter 28. London, Palgrave Macmillan UK, pp. 319-330.
37. **Zeman K., Beaujouan E., Brzozowska Z., Sobotka T.** (2017). Cohort Fertility Decline in Low Fertility Countries: Decomposition Using Parity Progression Ratios. Vienna Institute of Demography. Working Paper No. 3/2017 and Human Fertility Database Research Paper, RR-2017-003, 39p. Available at: https://www.oeaw.ac.at/fileadmin/subsites/Institute/VID/PDF/Publications/Working_Papers/WP2017_03_HFDRR.pdf. Date of access: 09.06.2019.
38. **Zeman K., Beaujouan E., Brozowska Z., and T. Sobotka** (2018). Cohort fertility decline in low fertility countries: Decomposition using parity progression ratios. *Demographic Research*, 38, Article 25, pp. 651-690.

Sergei V. Zakharov

Email: szakharov@hse.ru; sergei.zakharov@iea-nantes.fr

Personal pages: <https://www.hse.ru/org/persons/556494>;

<https://www.hse.ru/en/org/persons/556494>